

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МИКЛУХО-МАКЛАЙ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ (некоторые аспекты деятельности выдающегося русского ученого в Австралии)

В истории русско-австралийских отношений прошлого столетия [Н.Н. Миклухо-Маклай](#) (1846-1888) занимает особое место. Он прожил в Австралии в общей сложности более пяти лет (между 1878 и 1887 годами), и его имя стало символом научных связей между двумя странами. Огромный вклад русского географа, биолога, этнографа и антрополога в изучение Океании и Австралии завоевал ему широкое признание на пятом континенте, где он в свое время имел большую известность, чем в собственной стране.

До недавнего времени оставалась малоизвестной еще одна сторона деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая во время его второго приезда в Австралию в 1885-86 годах. Речь идет о его функциях информатора российского министерства иностранных дел и морского министерства по политическим и военным вопросам.

Мысль использовать известного ученого как источник сведений военно-политического характера о положении дел в Австралии и Океании возникла в дипломатическом и морском ведомствах России в ходе обсуждения предложений Н.Н. Миклухо-Маклая об установлении российского протектората над Берегом Маклая и создании русской сферы влияния в южной части Тихого океана. Эта идея активно пропагандировалась Н.Н. Миклухо-Маклаем с 1883 года. Еще в октябре 1883 года в письме из Сиднея [Н.В. Копытову](#) он отмечал усиление аннексионистских настроений в Австралии в отношении Новой Гвинеи и островных групп Океании и указывал на желательность русских территориальных приобретений в этой части земного шара. В письме из Сиднея Александру III от 8 декабря 1883 года он высказывает мысль о том, что отсутствие у России собственной сферы влияния на юге Тихого океана и господство там Англии «может сделаться со временем постоянною угрозою могуществу России в Северном Тихом океане». Подобные взгляды ученый излагает и в своих письмах к всемогущему тогда [К.П. Победоносцеву](#), одновременно высказывая готовность оказать всемерное личное содействие делу защиты русских интересов.

Однако, в российском МИДе достаточно хорошо представляли расстановку сил в этом регионе и весьма осторожно оценивали возможности России принять участие в колониальном разделе Океании. Признавая, что предложение Н.Н. Миклухо-Маклая об установлении российского протектората над Новой Гвинеей проистекает из «благородного желания» оградить папуасов от «тлетворного влияния европейской культуры», министр иностранных дел России [Н.К. Гирс](#) считал, тем не менее, это предложение неосуществимым. К концу 1884 часть Новой Гвинеи (не занятая Голландией) была уже фактически поделена. Британская Корона объявила протекторат над юго-восточной частью острова, Германия присоединила к своим владениям северо-восточную часть Новой Гвинеи, и велись переговоры об окончательном разграничении вновь приобретенных территорий. «В виду таких обстоятельств, - писал Гирс, - участь папуасов может считаться решенною, и наше вмешательство собственно в видах ограждения их... нельзя признать полезным и целесообразным».

Вместе с тем, министр иностранных дел не исключал полностью возможность вмешательства России в колониальную гонку в Океании. Для проведения такой политической линии правительство России нуждалось в оперативной и точной информации, и здесь Миклухо-Маклай мог быть весьма полезен. В докладной записке царю Н.К. Гирс предложил, ничего не объявляя Н.Н. Миклухо-Маклаю о намерениях правительства, «поддерживать с ним сношения в виду возможной пользы от знакомства его с краем». Сходную позицию заняло и морское министерство.

Уже через два дня после передачи царю записки о положении дел и политической линии России в южной части Тихого океана, Н.К. Гирс направил находящемуся в Сиднее русскому ученому письмо, в котором настоятельно просил о предоставлении нужной информации. Н.Н. Миклухо-Маклай без колебаний принял предложение и пообещал постараться «... сообщать по возможности... важнейшие события, происходящие или ожидающиеся в этой части света!».

К своему обещанию путешественник отнесся весьма серьезно и уже в июне отправил в Петербург первое донесение. Он также попросил уточнить, «что именно может оказаться особенно интересным министерству иностранных дел...». Это письмо было доведено до сведения царя, и по его указанию было направлено для ознакомления в морское министерство. В ответном письме Н.К. Гирсу исполнявший в это время обязанности министра начальник Главного морского штаба вице-адмирал [Н.М. Чихачев](#) попросил предложить Н.Н. Миклухо-Маклаю «если не через непосредственное сношение с официальными лицами австралийских колоний, то из печатных источников поближе познакомиться с общим планом военно-морских приготовлений Австралии на случай войны России с Англией; каким числом военных судов могли располагать в военное время колониальные власти; сколько частных пароходов предполагалось приспособить и вооружить для военных действий...; какие австралийские порты и гавани предполагалось минировать или укрепить...; в каких пунктах учреждены и имелось в виду устроить угольные станции».

Получив ответ из России в сентябре 1885 года, Н.Н. Миклухо-Маклай предпринял попытку ответить на вопросы, интересующие морское министерство в донесении, отправленном в Россию 14 апреля 1886 года. При этом он просил министерство иностранных дел сохранить в тайне источник информации, однако подлинник его донесения был в мае 1886 года направлен в морское министерство с указанием автора документа.

В чем причина согласия ученого на участие в «неформальной деятельности» на территории другого государства? По-видимому, эта деятельность была частью его борьбы за установление российского протектората над берегом Маклая и за возможное присоединение к России других островов Тихого океана. Он, собственно, и не скрывал, что его донесения должны стать дополнительным аргументом для более активной политики русского правительства в этом регионе. Он, например, писал в своем первом донесении, что «если русское правительство поможет мне отстоять Берег Маклая, Порт Алексей (бухта на северном побережье Новой Гвинеи) может стать удобным пунктом, чтобы производить давление на Австралию!!»

Еще до поручения от МИДа России о сборе информации военно-политического характера, Н.Н. Миклухо-Маклай пытался по собственной инициативе привлечь внимание русских официальных лиц к военным аспектам политики в этом регионе. Так, 26 ноября 1884 года он написал письмо начальнику Главного морского штаба Н.М. Чихачеву письмо, в котором выразил уверенность, что «учреждение морских станций в Тихом океане должно казаться... желательным», причем «для этого не следует терять больше времени». Далее он убеждает Н.М. Чихачева в военно-стратегических преимуществах Порты Алексея, как потенциальной базы для русского военно-морского флота. Адмирал, однако, ответил весьма уклончиво и так и не сообщил Н.Н. Миклухо-Маклаю своего мнения о возможности или желательности создания военно-морской базы на Новой Гвинее.

В сборе информации для своих донесений Н.Н. Миклухо-Маклай преимущественно пользовался австралийскими газетами и, в меньшей степени, сведениями, которые сообщали ему при личных встречах политические и общественные деятели Англии, Австралии, Голландской Ост-Индии.

В общей сложности русский ученый отправил в Россию три донесения. Наиболее существенными для МИДа и морского министерства были, несомненно, сведения о росте антирусских настроений и военном строительстве в Австралии в связи с обострением англо-русских отношений. Необычайный рост воинственности австралийцев – первое, на что обращает внимание русский ученый. Эта воинственность стала отчетливо заметна со времени посылки австралийского военного отряда в Судан, а после обострения англо-русских отношений весной 1885 года еще более обострилась.

«Ожидание русско-английской войны, - пишет ученый, - привело колониальное правительство в лихорадочное состояние». Н.Н. Миклухо-Маклай сообщает об опасениях перед высадкой русских в Австралии в случае войны и, переходя к анализу военных приготовлений, пытается раскрыть характер основных оборонительных мероприятий. Он пишет, какие пароходы были переоборудованы на военный лад и их тактико-технические данные. «Общее мнение компетентных людей здесь то, - делает вывод ученый, - что эти суда представят очень серьезных противников для военных судов средней величины и даже для таких, которые специально построены для цели «крейсерства». Он сообщает о предложениях по усилению обороны австралийского побережья и создании новых угольных складов, сообщает об укреплении портов Сиднея, Мельбурна, Аделаиды посредством установки береговых батарей, призванных «парализовать деятельность русских крейсеров», приводит данные о составе австралийского и английского флота, который может быть использован для защиты австралийских берегов, и о возможной численности сухопутной австралийской армии. Он уделяет внимание пунктам побережья, имеющим стратегическое значение и до сих пор недостаточно укрепленным. К их числу он отнес Олбани, представляющий «порядочную гавань и... очень важную угольную станцию», Порт-Дарвин, остров Терсди в Торресовом проливе и город Ньюкасл – «источник снабжения военных судов углем».

С военной точки зрения донесения Н.Н. Миклухо-Маклая показывают его, скорее, как дилетанта. Сбор и систематизация военной информации осуществлены им небрежно и непрофессионально. Например, перечисляя переоборудованные корабли, он заканчивает их список словами «и другие, которых имени не припомню» или «и т.п.». То же происходит при рассказе о местах, где возможна организация добычи угля. Иногда сам информатор не уверен в достоверности своих сведений: «В Мельбурне находятся (кажется) 3 небольших броненосных судна, в Аделаиде – 1 или 2». Что касается на самом деле секретных данных, то русский ученый даже и не пытался их раскрыть.

Любопытно, что ряд сведений или словесные обороты Н.Н. Миклухо-Маклая остались неясными чиновникам морского министерства. Например, напротив сообщения об установке в портах Австралии «40-тонных орудий» или рядом с выражением о намерении осуществить «очистку океанов от русских крейсеров» рукой чиновников морского ведомства поставлены вопросительные знаки. Очевидно, профессиональным военным было непонятно, о чем идет речь при упоминании о 40 тоннах (явно не о калибре орудий!), или что понимать под «очисткой» – уничтожение или вытеснение...

Рассуждения Н.Н. Миклухо-Маклая о стратегической значимости тех или иных портов Австралии часто выглядят довольно наивными. Так, он утверждает, что захват неприятельским флотом порта Олбани на южном побережье Западной Австралии может «легко... прекратить сообщение ... Австралии с Европой» и «значительно вредить австралийской политике». Значительную удаленность Элбани от баз любого потенциального агрессора и невозможность сколь-нибудь продолжительного удерживания этого порта он во внимание не принимает. (Правда, заметим, что Элбани приобрел определенное военно-стратегическое значение в начале Первой Мировой войны, когда в

нем формировались конвои для перевозки австралийских и новозеландских войск на Ближний Восток и Европу путем, более безопасным, чем в обход северной оконечности Австралии, находившемся под угрозой атак немецких рейдеров. Мощные береговые батареи на берегах бухты Элбани были демонтированы только после Второй Мировой войны).

Гораздо более точны и насыщены ценной для российского МИДа информацией являются собранные русским ученым сведения, касающиеся общих вопросов политической ситуации в Австралии и Океании. Так, например, он точно подметил явно наметившуюся тенденцию к федерализации различных колоний пятого континента в единое государство, которое будет стремиться приобрести самостоятельность. Вместе с тем, он справедливо обращает внимание и на то, что сильные позиции сохраняет и «другое направление общественного мнения» – стремление к сохранению общеимперского единства. Очень содержательна информация русского ученого о колониальных устремлениях различных государств и международной обстановке в Океании.

В российских коридорах власти на донесения Н.Н. Миклухо-Маклая отреагировали довольно сдержанно. МИД с самого начала считал идею русских территориальных приобретений в Океании сомнительной. Уже в марте 1885 года Н.К. Гирс ограничивал возможные акции России на Новой Гвинее только защитой личных имущественных прав Н.Н. Миклухо-Маклая, а после заключения англо-германского соглашения о разграничении владений двух стран в Новой Гвинее стало ясно, что колониальный раздел острова завершен.

Столь же сдержанно отнеслись к информации Н.Н. Миклухо-Маклая и в морском министерстве. В немалой степени этому способствовало и то, что морской министр [И.А. Шестаков](#) недолюбливал ученого и не разделял его стремлений защитить права папуасов за счет русской казны и с помощью сопряженного с большим риском военно-политического вмешательства в России в дела далекого от нее региона. В частности, он счел возможным оценить Н.Н. Миклухо-Маклая, как «не совсем вменяемого человека», добавив, однако, что и «не совсем вменяемые люди самую невменяемостью своею приносили пользу Отечеству». В конечном итоге морской министр высказался против создания российской военно-морской базы в районе экватора, так как в случае войны ее было бы невозможно удержать.

Содержание военных разделов донесений Н.Н. Миклухо-Маклая было использовано лишь частично: копированию были подвергнуты лишь некоторые сведения об укреплении австралийских портов и переоборудовании торговых и пассажирских судов в военные корабли.

Российские правящие круги, вполне реалистично оценивая возможности России, в конечном итоге отказались поддержать и предложения путешественника о создании российской сферы влияния в Океании. В декабре 1886 года Н.К. Гирс официально известил ученого об отклонении его планов создания в этом регионе русской колонии.

Можно ли сегодня, более, чем 100 лет спустя после описываемых событий назвать информаторскую деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая «шпионажем», а его самого отнести к категории «рыцарей плаща и кинжала»? Скорее всего, нет. Собранная и переданная им в Россию информация носила достаточно невинный характер. Этим, собственно говоря, во все времена занимались дипломаты, а в условиях отсутствия полноценного российского посольства в Австралии в то время русский ученый всего лишь занял определенную нишу в сложной системе отношений двух империй – Российской и Британской.

Им двигали, безусловно патриотические устремления и искреннее желание способствовать территориальным приобретениям и укреплению позиций России в южной части Тихого океана. Более того, русский ученый хотел, чтобы столь милые его сердцу

коренные обитатели северного побережья Новой Гвинеи стали подданными российской короны и были защищены от европейских авантюристов, в том числе, и охотников за золотом, которые часто вторгались в новые британские колонии, разрушая традиционный уклад жизни коренных племен. Заметим, что золото к тому времени на Новой Гвинее уже было найдено. Не исключено, что определенную роль в участии Н.Н. Миклухо-Маклая в сборе военно-политической информации сыграло его желание отблагодарить Александра III за субсидирование его научной деятельности в прошлом и морально оправдать обращение за новой стипендией.

В конечном итоге, Н.Н. Миклухо-Маклай остался в истории выдающимся ученым и путешественником. Неформальная сторона его деятельности, разумеется, не оставшаяся секретом для австралийцев, не помешала им признать его научные достижения и значительный вклад в развитие русско-австралийских связей.

По книге А.Я. Массова «Россия и Австралия во второй половине XIX века». 1998

Возврат к главной странице www.warsstory.org